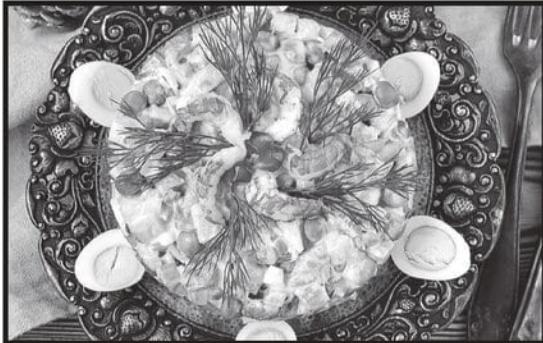

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

УМЕВШАЯ ЛЮБИТЬ

стр. 8-11

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТОГО САЛАТА

стр. 14-15

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№4 (85)
январь 2022

стр. 7

ЛУИ ДЕ ФЮНЕС: ПРИЗВАНИЕ БЫТЬ КОМИКОМ...

стр. 5

ГОД БЕЗ ЛАННОВОГО

УМЕВШАЯ ЛЮБИТЬ

Мы с ней не просто дружили — она называла меня младшим братом, посвящала мне стихи. И когда мне некуда было деваться в Москве, предоставила комнату в своей девушке, в которой я и прожил последние четыре года ее жизни. Мы часто допоздна засиживались на повидавшей огромное количество знаменитостей кухне и абсолютно откровенно говорили обо всем: о поэзии, о жизни, о любви. Она ничего не скрывала, я ничего не скрывал. У нас не было тайн друг от друга.

Что-то после наших бесед я потом по памяти записывал, что-то не запомнил и потерял навсегда...

Поэт, одна из создателей Союза писателей Северной Америки, добрая, отзывчивая, щедрая и просто надежный друг — Римма Казакова.

Геннадий Норд

— Стихи стали для тебя основным делом жизни?

— Я никогда не зацеливалась на стихах — хорошо готовила, вязала, любила жизнь во всех ее проявлениях. Но однажды поняла, что именно призвание вело меня по жизни. И от того, что мешало ему, я иногда с легкостью, а иногда же

ло отказывалась. Писание стихов было важнее.

Хотя, что такое стихи как жанр? Что это за странное ремесло? Не роман, не картина, не фильм. Не Шемкин, не Фелини... В 1960-е годы поэты были очень востребованы, пользовались большим успехом. Сейчас наша с тобой профессия не престижна, не денежна. Я постоянно где-то кому-то читаю свои стихи, хотя за это почти не платят. А деньги нуж-

ны, они делают человека свободным. Как говорил мой первый муж: «Если денег мало, надо не меньше тратить, а больше зарабатывать». Хорошие слова. Но я не хочу зарабатывать тем, что не умею или чего не хочу. Помню, один издатель попросил написать роман, обещав заплатить 3000 долларов. Я даже нашла сюжет, придумала, как буду его разворачивать... И поняла, что не смогу работать на потребу рынка — плохо или хорошо,

В Политехническом

у меня в любом случае получится все всерьез. А смогу ли роман — всерьез? Словом, от той коммерческой затеи пришлось отказаться. Но я все равно счастлива, потому что иду дорогой, пред назначенной мне.

— Ты никогда не расстраивалась в таких случаях?

— У меня очень легкий для меня же характер. Я не способна долго расстраиваться, быстро отхожу. Однажды мы были с Маргаритой Тереховой и ее гитаристом в творческой поездке в Могилеве и, когда вечер законился, пошли в ресторан. Танцевали, веселились... И я не заметила, как осталась без одной сережки с бриллиантами. С меня ее просто сняли! Гитарист — очень серьезный парень — остановил танцы и громко сказал: «Пoэтесса Римма Казакова уронила сережку. Потом вытащил из нагрудного кармана красную книжку и продолжил: «Если через пять минут ее не найдете, будем всех шмонять». Сережку вернули.

Но знаешь, о чем я тогда подумала? Поняв, что сережки никогда больше не будет, ту же решила: приеду домой — и сразу в ювелирный, куплю кольцо такой же карнатности и сделаю из него вторую сережку. В магазинах тогда было пусто, но бриллианты продавались. Я даже на секунду не расстроилась! А в Конгрессе у меня так же незаметно вытащили из сумки кошелек, так что мне не привыкать.

— Жизнь тебя часто и сильно била. Она же научила не переживать по пустякам?

— Так она по-прежнему бьет. Друзья даже удивляются: «Как ты до сих пор жива?»

Но не страдать долго — не возрастное качество. Оно было у меня всегда. Вот я — поэт, профессионал, прожила долгую жизнь в поэзии, у меня больше двадцати книг, много переводов. И ни одной престижной премии: ни Государственной, ни какой иной. Пару раз выдвигали — не дали. Я часа два перепреживаю и успокаиваюсь. Когда не дали в первый раз, подумала: «У меня хорошая квартира, а у того человека плохая, ему деньги нужны». Во второй раз придумала еще что-то. А потом, ну кто мне сказал, что я лучше? Смирю гордыни и иду поздравлять авторицей. И рада, и счастлива за них. Мне вообще проще перенести неполучение какой-то награды. Когда дают, начинаю волноваться, мне это неприятно. Я человек не амбициозный.

— Разве поэт может быть не амбициозным?

— Может, может. У раннего Евтушенко есть стихи: «Неужто я не выйду, неужто я не получусь?..» Подобные вопросы терзают всех поэтов. Тщеславно полагать, что ты лучше, хотя каждый из нас стремится к этому. Но надо иметь достоинство, гордость и, соизмеряя свои силы с реальностью, понимать, что сбудется не все. Я привыкла легко переживать успех и относиться к нему отстраненно. Иногда даже думаю: со мной ли это происходит? Вот ты спросишь: «Что для меня счастье?» Это первые мгновения после того, как что-то написал. Потом, возможно, ты будешь оценивать сделанное иначе...

— Ты сильно переживала, когда в 1981 году тебя попросили с поста секретаря Союза писателей СССР?

В Центральном Доме литераторов

— Я была первой и последней женщиной на этом посту — искренняя, открытая, активно занимающаяся общественной работой. Но меня с треском оттуда выгнали. Слишком откровенными высказываниями я сама подписала себе приговор. Среди них были такие: «Интересно, может ли кто-то, не боясь, что его не будут печатать, сказать писателю Валентину Сорокину, что такие стихи писать нельзя?» И под всеобщий хохот проптировала:

*Меняль одного омрачили
Имущие деньги и власть?
В крылатой Республике Чили
Рабочая кровь пролилась.*

— Ты и про Викулова тогда высказалась.

— Ну, да. Сказала: «Хочется задать вопрос Сергею Викулову, который осудил человека еврейской национальности, уезжающего из России, дав ему определение «его пархатая душа». Как может советский писатель выражаться лексикой «Черной сотни»? Это стыдно! Часть зала хлопала, часть молчала...

А потом началась настоящая война. Мне припомнили очерк, где я хвалила «жизнь и сиюнства» Багрицкого, стихи о Пастернаке. Короче, попросили написать заявление.

Поддержал меня тогда только Леонид Латынин. Вспомнил мой рассказ отца, как я в молодости боялась высоты, однажды даже закрыла глаза, идя с подругой через Метромост, и сказал: «Вот сейчас ты тоже закрой глаза и поступай, как я скажу. Ходи на съезд, делай прическу, красиво одевайся...» Я все делала. И только один раз, узнав, что против меня уже проголосовали 56 человек, расплакалась. Лена позвонил, стал успокаивать. Все тщетно. И вдруг он спрашивает:

- А что ты делаешь?
- Лежу на диване.
- В парикмахерской была?
- Была.
- Так прическу разомчишь, ты что, дура такая, сейчас же успокойся!

— Мне стало ужасно смешно.

Потом приехали друзья из Туркменистана, и один из них сказал мудро:

— Не перехвай. Из поэзии не выгонят. А остальное не важно.

В самом деле, есть так много вещей, которые делают мою жизнь счастливой...

— Ты с детства определила свою путь?

— В общем, да. В юности на мамин вопрос: «Чего ты хочешь в жизни?» я ответила, что хочу много ездить, общаться с интересными людьми и сама себя кормить. Сейчас мне смешно. Абсолютно все сбылось! Только откуда взялась мечта самой себя кормить?!

— Ну, обьездила ты, положим, весь Советский Союз и весь мир, Хабаровский край пешком исходила. С интересными людьми тоже встречалась — Роберт Рождественский, Даниил Гранин, Владимир Войнович, целая армия артистов, композиторов, певцов, политиков. А кто из них произвел тебя самое большое впечатление?

— Даже не задумываясь, отвечу — Леонид Осипович Утёсов. Я много раз с ним встречалась и на радостных, и на печальных событиях, и всегда Утёсов производил неизгладимое впечатление, я долго

оставалась под аурой этих встреч. Он обладал великолепным чувством юмора, замечательной реакцией, артистизмом. Уникальный человек и огромный, выдающийся артист.

— Как вы с ним познакомились?

— В далеком 1965 году в Театре Эстрады на его семидесятилетии.

Я уже и не помню, кто меня совсем молодую и только осваивающую Москву представил Утёсову. По-моему, Марк Лицянский. Леонид Осипович относился ко мне с большой теплотой. А затем я была, практически, на всех мероприятиях, на которых бывал Утёсов, будь то юбилеи или похороны знаменитых людей. Даже на Анти-юбилее Утёсова в марте 1981 года. Ну не могла я пропустить такое событие. А после на фуршете мы с ним даже выпили по бокалу шампанского.

— Давай немного поговорим о поэзии. Твое определение поэзии очень жесткое для женщины: мужичье дело, воловий труд, соленый пот.

— Это мой испуг перед жребием, который выпал. Слово «мужичий», наверное, не совсем то. Но работа поэта действительно трудная. Отсюда и строки: «Замечем же Орлеанской девой в поэты девочка идет?»

Николай Павлович Задорнов, романист, один раз сказал мне, что профессия, которую я выбирала, не идет ни в какое сравнение с профессией

моряка, летчика. Последние более женские, нежели профессия поэта.

— Когда ты начала писать стихи?

— Еще в угробе матери. На самом деле я никогда не считала себя поэтом, хотела быть историком, занималась Гражданской войной в Испании, меня интересовало зарождение фашизма — эта тема ведь актуальна и по сей день. Но постепенно такое скромное, незаметное ремесло, как сочинение стихов, стало для меня основным. Я поняла, что творчество требует серьезного к себе отношения, что для того, чтобы писать хорошие стихи, надо очень многое переварить. Последние год-два я пытаюсь написать стихи о Беслане, и ничего у меня не получалось, кроме какой-то пафосной ерунды. И вдруг пришли такие строки:

Не могу я писать о Беслане...

«Это было не с нами, не с нами!» —

жизнь кричит,

зациклившись от зла.

Здравый ум замечает:

«Не с нами...»

Это было не с нами, не с нами —

наша очередь не подошла!»

Но для того, чтобы написать эти стихи, нужно было много думать, много читать. Это не такое простое ремесло, как может показаться.

— С кем тебе интереснее общаться с поэтами-женщинами или поэтами-мужчинами?

— Мужчины — вообще отдельный разговор. А к моим отношениям с поэтами-женщинами слово «дружба» не подходит. Хорошо сказала Агашина, поэтесса, о журналиках: «Они всегда летают рядом, а это больше, чем любовь». Так и мы, поэтессы, летаем рядом, но тесных контактов не осталось. В юности мы виделись намного чаще и с Беллой Ахмадулиной, и с Новеллой Матвеевой, и с Инной Каежековой. Жизненные пути нас развели и по интересам, и по семейным обстоятельствам

— Можно ли научить человека писать стихи?

— Научить нельзя, но образование нужно. Все-таки оно влияет на поэтическое мышление. Хотя Россия — загадочная страна. Помню, в 1959 году я приехала на Всесоюзную поэтическую дискуссию. Меня познакомили с Виктором Боковым. Он сказал мне: «Девочка, мне очень нравятся ваши стихи, но признайтесь — вы вас очень сильно повлияла Цветаева, правда?» Мы этого не понимаем, но воздух российский, история российская, наш язык, его структура влияют на нас, и это неизбежно.

— Знаю ответ, но спрошу: как ты оцениваешь положение российских поэтов сегодня?

— В советское время в Конституции было записано, что литература — дело государственной важности. Сейчас нас, литераторов, как бы и нет. У меня есть стихи, которые начинаются такими строками:

Мне не спится, в творческом процессе сочинять стихи — не ловля муки.

Говорят, что это не профессия, но для хобби — слишком много муки.

Сейчас власть относится к нам никак. Какую-нибудь Катя Лель приглашает попеть про «Муси-пуси», осыпает ее благами, а мы работаем практически бесплатно, вне рыночной системы. Государство в наши дела вмешивается не хочет. Ну, против лома нет приема! Получается, что мы делаем свое дело, спасаем литературу, а государство бездействует. У меня есть такие стихи: «Ничего от меня государство не хочет...» И последняя строчка: «Что же я от него всё чего-то хочу?» Это, наверное, пережиток советской власти, но я считаю, что государство должно заботиться о духовной жизни народа. А если не будет заботиться... Мы же видим, как влияют на нас телевидение, бесконечные сериалы, реклама.

— Каковы для тебя критерии хороших поэм?

— Для меня определяющим всегда было такое немодное при советской власти понятие, как «талант». А талант я ощущаю даже тогда, когда встречаю поэта, которого ставлю не очень высоко. Прекрасные стихи неизменно меня радуют. Талант — это проблема чего-то, что больше самого человека, чего-то такого, чего он даже сам от себя не ждет. Талант порождает отклик. Когда поэт читает свои стихи, забывает строку и ему из зала ее подсказывают — вот что важно, а не тиражи и премии.

Окончание. Начало на с.9

— Ты автор стихов многих популярных песен. Как написать текст песни так, чтобы он понравился слушателям?

— К песням все-таки нужно иметь особый талант. Поэт Михаил Луконин признавался мне, что ни одной песни написать не может — не дано! А песни на стихи Роберта Рождественского прекрасны. В свое время мы с Игорем Крутым хотели создать песни нового типа, где была бы вся острота и полнота человеческой страсти. И лексика у меня была все-таки поэтическая, а не песенная, я простенькие тексты писать не умею. Когда Саша Серов пел в песне «Ты меня любишь»: «Ночью дневную тихо приძешь, раздевшись, узнан не мною вечный сюжет роденовский» — это была поэзия.

— Чем отличается настоящий мастер от рядового писаки? Какие знаки отличия должны быть на настоящем авторе?

— Талант всегда очевиден. И любой легко определит, кто талантлив, а кто нет.

— Есть ли будущее у российской литературы?

— В том случае, если у России есть будущее.

— Можно ли прожить на писательские гонорары?

— Конечно, нет.

— Если тебя позовут в жюри сетеевого конкурса, ты согласишься?

— За очень большие деньги.

— Говорят, что сегодня поэзия — практически непродаляемый литературный жанр. Как ты думаешь, почему?

— Вообще-то, не я её продаю.

— А всё-таки?

— К чему, прежде всего, должен тяготеть читатель? К классике. А вся классику давно издали и переиздали, значит, те, кто хотел купить, уже купили. А из современной поэзии? Создаётся впечатление, что издатели вообще не понимают, что такое современная поэзия, иначе они не издавали бы в одной серии Рубальскую и Ахмадулину.

— Ну, хорошо, а что же тогда покупить и читать?

— Ане знаю. После перестройки я сама набросилась на детективы. Зачитывалась Гарднером, Стагтом. Потом появилась Дарья Донцова, и я устала. Больше детективы читать не могу. Хотя понимаю, что, может, такая литература и нужна. Для тех, кто поумнее — Агата Кристи. Для остальных — Донцова.

— Так всё же — какая литература сейчас нужна?

— Мы вообще не о том говорим. Литературный вкус вырабатывается с детства. Наши дети сами выберут, что им читать. Но чтобы они сделали правильный выбор, их надо хорошо учить и воспитывать. Прививать любовь, к тому, что уже бесспорно — к хорошим книгам, к музеям, к театрам. Было всё это раньше. В школе было. А теперь наше государство всё у детей отняло. Всё время обучения и воспитания легло на плечи родителей. А им ещё детей кормить надо. Деньги для этого зарабатывают. Вот и воспитывают они детей по остаточному принципу. А ещё хуже получается, когда дети сами себя воспитывают. Так, как подскажет улица.

— Так есть у современного читателя интерес к поэзии или нет?

— То, что он есть, я чувствую, когда читаю свои стихи с эстрады. А помимо идиотской политики издательств, есть ещё один момент. Читателей-то много, а вот покупателей серьёзных книг становится всё меньше. Вдумчивый читатель нищает, ему приходится выбирать между томиком стихов и килограммом колбасы. Государство к тому же отпустило контроль за системой книгопродвижения. Продвигаются только те книги, которые дают немедленную и большую прибыль. А издатели замыкаются от книгоиздателей. Образуется замкнутый круг. Торговцы не хотят, издатели не могут. Вот и нет поэзии в магазинах, а то, что есть — упаковано на дальних полках.

— Всё так плохо?

— Для пессимизма есть все основания, но мы на этот пессимизм не имеем пра-

С Ниной Краснова

ва. Я знаю, что я, например, ответственна перед теми, кто приходит на мои вечера. И мы всё равно должны и будем писать. Хорошо писать. Для тех, кому мы, современные российские поэты нужны. И пусть Аксунин говорит, что книга сегодня — уже не культурное явление, а коммерческий проект. Но я вот не хочу быть проектом.

— Почему?

— Потому что хочу, чтобы в этой стране-всё-таки что-нибудь сдвинулось к лучшему. Мы всё говорим о построении гражданского общества. Можно построить гражданское общество без писателя, писателя с большой буквы? Нельзя. А без коммерческого проекта — можно. А у нас сейчас образ подлинного писателя в сознании народа пытаются заменить облегчённым образом эстрадника, шоумена.

— А существует сейчас высокая эстрада? Песни, которые бы тебе запомнились, затронули?

— Это ты про что? «Зайка моя» или «Бухгалтер, милый мой бухгалтер»? Когда писались тексты писала я, то всегда пыталась сделать так, чтобы текст про ник в душе. И думаю, в меня это получалось. Я доволна песнями на свои стихи. А что может затронуть «джага-джага»? Меня со всех сторон пытаются убедить, что это хит. И ведь кто-то, если повторять долго и настойчиво, в это поверит. Беда в том, что писенное ремесло утрачено профиционалов.

— Тебя называют гражданским поэтом. Обращалась ли ты в своих стихах к правительству с просьбой, с требованием что-либо в нашей жизни изменить?

— Никогда. Я обращаюсь только к своему народу.

— Ты не ощущаешь себя одиночкой?

— А у меня никакого одиночества нет. Я люблю своих внуков, сына, тебя люблю,

Портрет работы Дмитрия Шабунина

родину, наконец. Но буду не против, если завтра на меня свалится еще какая-нибудь любовь. У меня даже есть стихотворение на эту тему:

Мне — что холод, что жара,
Что гулянка, что работа...
Помирать уже пора,
А рожать детей охота.
Ты даже песню на эти стихи написал.

— Мы здорово отметили твоё 75-летие!

— Ты же знаешь — это тяжелое, но очень приятное для меня «происшествие». Слава Богу, я в пригласительном билете написала, что не «юбилиerte», как говорил великий поэт, не лейте елея, просто приходите: прозвучат стихи, друзья будут петь песни. Так оно и было. А зал был — я такого не видела ни разу! И работники Дома литераторов сказали, что такого переаншлага они не помнят. Ты же вел вечер и пел, помнишь. Собралася не просто целый зал! Люди сидели на ступеньках, раздевалка уже «не раздевала» и даже перед залом транслировали вечер.

— Сложно ли поэту в нашей стране издать книгу?

— Вот меня недавно издало «Эксмо», и когда я к ним пришла, они говорили, бери, мол, пример с Донцовой, с того, с этого. Я ответила: «Давайте, я буду сама собой». А потом мне говорят: «Странно, вы не коммерческий поэт, но книжи почему-то покупают». Вот и надо, чтобы книги были такие, чтобы они заинтересовали читателя. Надо искать к этому все пути. И тогда можно и нужно издаваться.

— Каковы перспективы поэзии в России и в мире?

— Как сказал великий поэт, «существует и ни в зуб ногой». Никуда она не дедась, не денется, и ничего с ней не сделаешь. Сейчас или потом, немедленно или через время. Познания нужны человеку. Человек не может жить, только создавая машины, добывая уголь и нефть. Человек живое существо. Влюбляется он, любит что-то. У него есть душа. Хотя никто точно не знает, что это такое, но эта душа требует еще и того, что питает эмоции и указывает человеку возможность осознать, как он должен жить, как он живет. Простить себя или осудить. Это необходимая опора в жизни. И никуда она не денется.

Что сейчас делает наша властная структура? Они говорят о культуре. Они словно забыли о том, что Россия всегда славилась своей замечательной литературой и музыкой. Литература, как будто и нет сейчас. Никто не думает о живущих писателях и о том, как поставить их на службу Отечеству, дать им такую возможность. Мы как будто раньше времена прогнали на пенсию и вообще, так сказать, на тот свет убрали. Статуса нет у литературы настоящей сейчас.

Поэты должны иметь такое состояние души, что рождаются стихи. Но не всегда так бывает. Иногда напишешь стихи и, кажется, что ты что-то такое замечательное сделал. Прочитаешь и потом подумаешь: «Да... Видно, я заблудился... Это все-таки не так уж и прекрасно». Но от чаиваться не надо.

Надо больше читать замечательных поэтов и не отчаяться себя от настоящего искусства, от настоящей культуры, от настоящих стихов.

Секрет успеха: лишнего не брать. В стремлении к достоинству слишком смелом. В чужие игры не играть, не вратить.

И не своим не заниматься делом.

— Георгий Радов знал, что, выходя за него замуж, ты его не любишь?

— После свадьбы прошло месяца три, когда однажды я вдруг проснулась среди ночи. Муж — взрослый, здоровый мужик — сидел на кровати и плакал.

— Что с тобой?

— Я тебя отпускаю. Ты не врала мне, говоря, что любишь другого. Но я думал, это пройдет...

И вот тут во мне что-то перевернулось. И все пошло погром. Мы были очень разные, но это была моя семья, мой муж, может, даже тот, который должен был быть у меня на всю жизнь. У нас была дворянская, как говорят, разница в возрасте — 17 лет, рос ребенок... Он, я, наш сын — мы могли бы прекрасно жить вместе. Хотя любовной страсти, присущей

молодым супругам, и не было. Он был писателем сельскохозяйственным. Бывало, сижу за столом с мужем и его ровесниками — он болтает про колхоз, про навоз, а мне к своим сверстникам хочется! Все-таки я была очень молода душой, мне хотелось танцевать. Неправильно все это было, конечно. Я совершила ошибку, и сама за нее заплатила. Восемь совместных лет были напрасными, надо было расстаться через полгода. Но положение было тяжелое. Радов еще не развелся с первой женой, жить негде... Прихожу в загс записывать ребенка, тетка спрашивает:

— Вы одиночка?

— Сама ты одиночка, дура! — огрызнулась я. — Есть мужчина, на днях распишемся.

— Ну что вы обижаетесь? — сказала она. — Распишитесь, тогда и ребенка оформите.

И через три дня, увидев меня с Радовым, сказала:

— А вас, девушка, с победой!

— Стерпится — слюбится — не про тебя?

— Я очень нравственная женщина, мещанка, для меня муж — это муж. В надежде, что жизнь наладится, я испробовала все средства. Но она не наладилась. Старая няня Ульяна Андреевна, прожившая со мной 25 лет и вырастившая моего сына, сказала как-то: «Брак — это лотерея», и я с ней согласна. Да, мне хотелось выйти замуж, чтобы родить и закрыть эту тему. Замужняя женщина личные проблемы решает в рамках семьи, а не в публичном доме или на больших полях. Я мечтала о стабильности, которая развязала бы мне руки для работы, но и это оказалось непросто. Муж говорил: «Порядочная жена не ездит одна, особенно, в заграницы командировки». Однако я всегда подчинялась только своему призванию, у меня была жаждность к миру.

Я вообще уродливое явление. В моей жизни не было мужчины, который бы меня кормил, покупал мне шубы, драгоценности. Первый супруг был известным писателем, но в нищее время, когда

известный писатель имел один костюм и две штапельные рубашки. Как-то мы купили ему французские ботинки, он вернулся домой и говорит: «Какой все-таки счастливый русский писатель! Француз купил ботинки и тут же забыл об этом. А я теперь два года буду радоваться». Менталитет! Георгий много знал, многое умел, был прекрасным другом, отличным собеседником, умницей, неплохим писателем. Но, когда я спрашивала: «Почему ты мне не даришь цветы?», удивлялся: «Хм! Господи! Возьми деньги, пойди и купи». Этим мне и приходилось заниматься всю жизнь.

Женская любовь — это когда женщина падает на колени перед мужчиной, и он тут же ее поднимает, а мужская — когда мужчина падает на колени перед женщиной, но поднимается сам.

Георгий сильно пил, и ничего с этим сделать было нельзя. Когда-то он был замечательным журналистом, редактором «Курской правды», но в 1949 году был уволен из-за родственника, якобы «английского шпиона». Пошел на завод учеником токаря, стал начальником цеха. Вскоре его пригласили в Москву, и он работал в «Огоньке», «Литгазете». Пил. Да, тогда пили все. Но для семейной жизни это невыносимо. Мне и сейчас тяжело об этом говорить. Помню, я, беременная, тряся брюхом, бежала за ним по Переделкино, чтобы он, пьяный, не бросился под поезд; вызволяла его из вытрезвителя. Бывало, он и руку на меня поднимал. Да что говорить, у меня было очень одинокое материнство. Тем не менее, я его чту, уважаю, мой сын Егор — копия папы.

С годами я поняла: разрывать надо, когда любишь. В этой ситуации ты понимаешь, что не получилось. А когда чувства тлеют, когда уже все равно, идет идет... Поэтому мы столько и тянули.

Он ведь и любовь понимал не так, как я. Представляешь — на свой 50-летний юбилей пригласил в наш дом первую жену и сказал: «Я с ней прожил больше, чем с тобой, поэтому буду сидеть рядом с ней!».

— Как Егор пережил ваш развод?

— Я молодец, воспитала его в любви к отцу. И, хотя Георгий сразу женился, они виделись. Сын, правда, спросил меня тогда: «Могу я жить с папой?», на что я, похолодев, ответила: «Конечно!» Но до этого дела не дошло.

— Может, для тебя, человека творческого, было бы лучше, если бы Радов имел другую профессию?

— Не знаю... Лотерея. Второй мой муж был стоматологом, я познакомилась с ним, когда пришла лечить зубы, и страстью влюбилась. Он был моложе, но вел себя так, будто старше. Это был настоящий мужчина, и поступки его были мужские. В первый же день он отобрал у меня сигарету и, потушив, сказал: «Больше вы курить не будете». И еще он говорил: «Стихи читаю не все, а зубы надо лечить каждому».

Прежде у него было две жены, остались двое детей. Но смущало меня не это. Бываю мужчины, которые, любя жену, все-таки заглядывают на других женщин. Может, с его стороны просто не было пылкой любви? Однажды я заметила, что он перестал класть зарплату в вазочку и приносить продукты. А вскоре узнала и об отклонениях. Жена ведь всегда узнает о них последней.

На этом все закончилось.

— Ты считаешь себя счастливым человеком?

— Несмотря ни на что, я счастлива. До сих пор влюблена, и мне этого хватает.

Одного человека вспоминаю иногда с улыбкой. Сейчас ему уже под 90, а когда-то он был видным мужчиной, послом на Кубе, на Мадагаскаре, в других странах. Я — максималистка: или все, или ничего. Сделала сама ему предложение — он рассмеялся в лицо. Мне было больно. Я перестала с ним видеться. Однажды случайно встретились, и он, как ни в чем не бывало, спросил:

— Почему ты не хочешь сходить со мной в ресторан?

— А тебя больше не люблю!

Посол изменился в лице, тем не менее, сказал:

— Из тебя могла бы получиться класс-

ная послиха. Ты умная, все понимаешь. Но было поздно.

Про свое предпоследнее увлечение я написала: «**Моя последняя любовь, заплаканная, нервная. Моя последняя любовь, ты — первая...**» Это был прекрасный мужчина, на 14 лет моложе меня. Как-то он спросил, могла бы я выйти за него замуж. Я ответила: «Нет. Когда мы встречаемся с тобой, люди, видя нас, думают, что ты молодой поэт. А поженимся — станут говорить, будто я охмурила младенчика».

— И все-таки, ты счастлива?

— Ты же знаешь, что я сейчас влюблена, и вот уже пару лет ощущаю себя счастливейшей женщиной. Когда мне задают вопрос, счастлива ли я, отвечаю: «Конечно. Ведь я умею любить...».

Было бы совсем неправильно не привести здесь несколько моих любимых строк из Римминных стихотворений:

***

Рождается женщина. И без старания — однм поворотом, движением, поступью мужскому, всесильному, mestит

за страдания, которые выстрадать выпадет после ей.

***

*Кто победит в нелепом этом споре?
Кто разрешил для нас с тобой его?
Не стоишь ты моей прекрасной бали,
я холода не стою твоего.*

***

*Задыхаюсь от большой любви
к очень небольшому человеку:..*

***

*Aх, не ставьте мне в вину
грех прекрасного разлада!
Повернуто на весну!
Ну а может, так и надо?..*

***

*Люблю того, кого люблю,
и странным, ласковым смиренем
и этим вот стихотворением
своё несбыточное длю...*

***

19 мая 2008 года Римма Казакова скоропостижно скончалась, ее нет уже четырнадцать лет...